

— Юджин Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле Божьей в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лелеять в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?

— Обещаю.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ

Глава I

Действие этой повести начинается между 1884—1889 годом в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десяти тысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет — двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине — пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа — сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были неновые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непрелож-

ностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Александрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной — во всяком случае, она себя такой не считала, — но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джеферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витле удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно американской предприимчивостью пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, выработала в нем осторожность и такт,

а также известную изворотливость. Он умел принаравливаться к людям. Его жена считала, что даже слишком. И уж во всяком случае мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, уютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим — гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла развезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Мириэм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон — в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, — такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витле несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, кото-

рые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улыбающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила — совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пройтись с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страстная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях. В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и ненадолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятными — что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее

сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго привлекал к себе его внимание. Чудесное зрелище белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой — что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому, и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем ни другим. Иногда он делал какие-то наброски — ничего законченного: уголок крыши, выходящий из трубы дымок и летящие птицы; излучина реки со склонившейся над водой ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты. Очарование летящей птицы, пышно распустившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, — все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и воодушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, — но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота — что стрела, пущенная из лука», «золотые косы, дивный стан», «прелестный образ, поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, — красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой

город, и время исцелило раны Юджина — ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку практические задачи: продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия, которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной

с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас, — к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвилились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного незащищенного мужского сердца. Она кокетничала с мальчиками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл, — по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина, который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

— Ты не из дому? — спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомиться с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. — Мисс Эплтон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

— У меня ужасный вид, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Я помогал отцу чинить шарабан.

— Пустяки, — сказала Миртл. — Куда ты идешь?

— К Гарри Моррису, — ответил он.

— Зачем?

— Мы пойдем за орехами.

— Я тоже не отказалась бы от орехов, — сказала Стелла.

— Я вам принесу, — любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась:

— Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недостижимых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

— Ну, нам пора домой, — сказала Миртл.

— Я пошел бы с вами, если бы не сговорился с Гарри.

— Ладно, — ответила Миртл, — мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

— Какой он милый, — сказала она Миртл.

— Да, только ужасный нелюдим.

— Отчего это?

— Он не очень крепкого здоровья.

— Мне нравится его улыбка.

— Вот как? Я ему скажу!

— Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

— Нет, нет!

— Но у него в самом деле хорошая улыбка.

— Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

— С удовольствием, — обрадовалась Стелла. — Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

— Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

— Обязательно приду!

— Я вижу, он тебе понравился! — засмеялась Миртл.

— Он очень славный, — просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался наверх переодеться, — в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тщательно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная — стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья

и полка с книгами, — но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.

Миссис Витла поминутно выходила из комнаты, занятая делами по хозяйству. Отца еще не было дома. Он поехал куда-то в другой конец округа, надеясь продать там одну из своих машин, — его ждали домой к ужину. Юджину было все равно, дома отец или нет. Мистер Витла, когда бывал в хорошем настроении, любил подтрунивать над детьми, причем всегда в одном и том же духе: он подмечал просыпающийся в них интерес к другому полу и предсказывал, что все их пылкие увлечения завершатся когда-нибудь самым прозаическим образом. Он любил говорить Миртл, что она выйдет замуж за ветеринара, а Юджину прочил в жены некую Эльзу Браун, у которой, как уверяла миссис Витла, были сальные локоны. И Миртл, и Юджин принимали эти замечания добродушно, Юджин даже удостоивал их снисходительной усмешки — он любил шутку; но уже в этом возрасте он трезво судил об отце. Он видел, как жалко его занятие, и ему было смешно, что подобная профессия может предъявлять права и на него, Юджина. Он таил свои чувства, но в нем кипел протест против всего заурядного, словно раскаленная лава в кратере вулкана, который время от времени зловеще дымится. Ни отец, ни мать не понимали его. Для них он был странный мальчик, мечтательный, болезненный, еще не отдающий себе отчета в том, чего он, собственно, хочет.

— А, вот и ты! — сказала Миртл, когда он вошел. — Садись сюда.

Стелла встретила его чарующей улыбкой.

Юджин подошел к камину и стал в позу: ему хотелось произвести впечатление на девушку, но он не знал, с чего начать. Он так растерялся, что не мог сказать ни слова.

— Вот и не угадаешь, что мы делали! — защebetала Миртл, приходя ему на помощь.

— А что? — смущенно отозвался он.

— А ты отгадай. Ну, попробуй.

— Хоть разочек, — прибавила Стелла.

— Жарили кукурузу, — осмелился предположить Юджин, невольно улыбаясь.

— То, да не то.

Это говорила Миртл.

Ее подруга не сводила с Юджина широко раскрытых голубых глаз.

— Еще разок, — предложила она.

— Каштаны! — догадался он.

Она весело кивнула. «Какие волосы!» — подумал Юджин. Затем спросил:

— А где же они?

— Вот вам один, — ответила его новая знакомая и, смеясь, протянула ему на ладони каштан.

Под действием ее ласкового смеха к нему стал возвращаться дар речи.

— Жадина! — сказал он.

— Как не стыдно! — воскликнула она. — А я отдала ему свой последний каштан. Не давай ему ничего, Миртл.

— Беру свои слова обратно, — поправился он. — Я не знал.

— Ничего он не получит! — заявила Миртл. — На, Стелла, держи, а ему не давай! — И она высыпала последние каштаны Стелле на ладонь.

Юджин понял, что от него требовалось. Это был вызов — его приглашали отнять каштаны силой. Пожалуй-ста, он готов.

— Ну дай же! — Он протянул руку. — Так нечестно.

Стелла покачала головой.

— Только один! — настаивал он.

Она все так же медленно и решительно покачала головой.

— Только один, — просил он, придвигаясь.

Золотистая головка не сдавалась. Но рука, державшая каштаны, была так близко к Юджину, что он мог схватить ее. Девушка хотела было убрать ее за спину и там переложить каштаны в другую руку, но он подскочил и крепко сжал ее запястье.

— Миртл! Выручай! — позвала она.

Миртл бросилась на помощь. Их было двое против одного. В самом разгаре борьбы Стелла увернулась от Юджина и встала. Ее волосы задели его по лицу. Он крепко держал ее маленькую ручку. На мгновение он заглянул ей в глаза. Что это было? Он не мог бы сказать. Но только он выпустил ее руку и подарил ей победу.

— Ну вот, — улыбнулась она. — А теперь я дам вам один каштан.

Он схватил каштан и засмеялся. Но гораздо больше ему хотелось схватить ее в объятия.

Незадолго до ужина вошел отец и подсел к ним, но немного погодя взял свежий номер чикагской газеты и ушел читать в столовую. А потом мать позвала всех ужинать, и Юджин сел рядом со Стеллой. Его занимало все, что она делала и говорила. Когда ее губы шевелились, он наблюдал за тем, как они шевелятся. Когда обнажались ее зубы, он думал о том, какие они красивые. Светлый завиток у нее на лбу манил его, словно золотой пальчик. Только сейчас он понял всю прелесть выражения «золотистые пряди волос».

После ужина он, Миртл и Стелла вернулись в гостиную. Отец продолжал читать в столовой, а мать принялась мыть посуду. Миртл вскоре ушла помогать ей, и Юджин остался со Стеллой вдвоем. Теперь, когда они были одни, Юджин не решался говорить. Что-то в ее красоте сковывало его.

— Ты любишь школу? — спросила она, помолчав. Ей казалось неудобным сидеть молча.

— Не очень, — ответил он. — Там нет ничего для меня интересного. Я думаю бросить учение и начать работать.

— А что ты собираешься делать?

— Еще не знаю, — может, стану художником.

Впервые он признавался в своем честолюбивом стремлении. Зачем, он и сам не знал.

Но Стелла пропустила это признание мимо ушей.

— Я боялась, что меня не примут в выпускной класс, — сказала она, — но меня приняли. Директор школы в Молине написал здешнему директору.

— Они в таких случаях ужасно придираются, — сочувственно отозвался он.

Она встала и принялась рассматривать книги на полке. Он не спеша последовал за ней.

— Ты любишь Диккенса? — спросила она.

— Очень, — сказал он серьезно.

— А мне он не нравится. Он слишком длинно пишет. Я больше люблю Вальтера Скотта.

— И я люблю Вальтера Скотта, — сказал он.

— Сейчас я тебе назову одну книгу, которая мне очень нравится.

Она замолчала, губы ее приоткрылись. Она силилась вспомнить название книги и подняла руку, словно хотела поймать его в воздухе.

— «Русое божество»! — воскликнула она наконец.

— Да, прекрасная вещь, — одобрил он. — Помнишь, как собираются принести в жертву Аваху?

— Да, и мне это понравилось.

Она взяла с полки «Бен-Гура» и стала неторопливо перелистывать книгу.

— Это тоже замечательный роман.

— Да, чудесный!

Они умолкли. Стелла подошла к окну и остановилась под дешевыми тюлевыми занавесками. Ночь была лунная. Деревья, в два ряда окаймлявшие улицу, стояли голые; трава была бурая, мертвая. Сквозь тонкие ветви, сплетавшиеся в серебряную филигрань, они различали огни ламп в других домах, светившиеся через приспущенные шторы. Человек прошел мимо — в полумраке мелькнула его черная тень.

— Красиво, правда? — сказала она.

Юджин подошел ближе.

— Замечательно, — ответил он.

— Скорей бы настали морозы и можно было кататься на коньках. Ты любишь коньки? — Она повернулась к нему.

— Ну еще бы, — ответил он.

— Ах, как хорошо на катке в лунную ночь. В Молине я много каталась.

— Мы здесь тоже часто катаемся. Ведь у нас тут два озера.

Ему вспомнились ясные хрустальные ночи, когда лед на Зеленом озере трескался с глухим гулом. Вспомнились шумные толпы конькобежцев, далекие тени, звезды. Юджин до сих пор не встречал девушки, с которой было бы приятно кататься. Он ни с одной не чувствовал себя легко. Однажды он упал вместе со своей спутницей, и это чуть не отбило у него охоту ходить на каток. Со Стеллой ему было бы приятно кататься. Он чувствовал, что и она, пожалуй, охотно будет кататься с ним.

— Когда подморозит, можно будет пойти всем вместе, — осмелился он сказать. — Миртл тоже катается.

— Вот и чудесно! — захлопала в ладоши Стелла.

Она долго, не отрываясь смотрела в окно, потом вернулась к камину и, задумчиво потупившись, остановилась перед Юджином.

— Как ты думаешь, твой отец не уедет отсюда? — спросил он.

— Он говорит, что нет. Ему здесь нравится.

— А тебе?

— Да... теперь и мне нравится.

— Почему теперь?

— Потому что раньше мне здесь не нравилось.

— Почему?

— Да потому, должно быть, что я никого не знала.

А теперь мне нравится.

Она подняла глаза.

Он подошел чуть ближе.

— У нас славный городок, — сказал он, — но мне тут нечего делать. Я думаю в будущем году уехать отсюда.

— Куда же ты поедешь?

— В Чикаго. Я ни за что здесь не останусь.

Она повернулась к огню, а он подошел к ее стулу и оперся на спинку. Она чувствовала, что он стоит совсем близко, но не шевельнулась.

- Но ведь ты вернешься? — спросила она.
- Возможно. Как сложится жизнь. Вероятно, вернусь.
- Вот уж не подумала бы, что ты собираешься так скоро уехать.
- Почему?
- Да ведь ты сказал, что здесь хорошо.
- Он ничего не ответил, и она взглянула на него через плечо. Он совсем близко склонился к ней.
- Так ты будешь со мной кататься зимою? — выразительно спросил он.
- Она кивнула.
- Вошла Миртл.
- О чем вы тут беседуете? — спросила она.
- О том, какое у нас катание на коньках, — ответил Юджин.
- Ужасно люблю кататься! — воскликнула Миртл.
- Я тоже, — сказала Стелла. — Что может быть лучше?

Глава II

Некоторые эпизоды последовавшей затем поры влюбленности — несмотря на всю ее мимолетность — оставили глубокий след в душе Юджина. Вскоре выпал снег. Зеленое озеро замерзло, и они со Стеллой стали вместе ходить на каток. Стояли чудесные дни. Морозы держались так долго, что к Миллер-Пойнту, где запасались льдом, приезжали на подводах и выпиливали специальными пилами целые глыбы льда толщиной в фут. После Дня благодарения почти каждый вечер толпы школьников — мальчишки и девочки — носились по льду, словно водяные жуки. Юджин не всегда бывал свободен — иногда вечерами и в субботу ему приходилось помогать отцу в магазине. Но каждый свободный вечер Миртл по его просьбе звала Стеллу, и они все вместе шли кататься. Иногда он приглашал девушку пойти вдвоем, и она нередко соглашалась.

Однажды, катаясь по озеру, они очутились у высокого берега, на склоне которого прилепилась кучка небольших

домиков. Взошла луна, и ее лстивые лучи отражались в зеркальной поверхности льда. Сквозь черную гущу окаймлявших берег деревьев желтыми приветливыми огоньками мерцали окна. Юджин и Стелла, намного опередившие остальных, решили повернуть обратно. Золотистые кудри девушки были скрыты вязаной шапочкой, из-под которой выбивалось несколько колечек; ее фигурку плотно облегал белый шерстяной свитер, доходивший до бедер, и юбка из толстого серого сукна; поверх чулок она надела белые шерстяные гамашы. В этот вечер она была особенно хороша и знала это.

Но когда молодые люди повернули назад, Стелла вскрикнула: у нее развязался конек.

— Подожди, — сказал Юджин, — я сейчас поправлю.

Она остановилась перед ним, а он, опустившись на колени, стал распутывать отстегнувшийся ремешок. Сняв конек, он взглянул вверх, и девушка, улыбаясь, тоже посмотрела на него. Юджин выронил конек и, обхватив ее руками, прижался лицом к серому сукну.

— Нехорошо это, — сказала она.

Однако она не противилась, чувствуя себя прекрасной героиней восхитительной сказки.

Сдернув с Юджина шерстяной шлем, Стелла провела рукой по его волосам. У него чуть не брызнули слезы, так он был счастлив. Вместе с тем это движение разбудило в нем глущую страсть. Он крепко прижал ее к себе.

— Надень же мне конек, — благоразумно сказала она.

Он поднялся и хотел обнять ее, но она не позволила.

— Нет, нет! Не смей! Не то я с тобой никогда больше не пойду.

— Стелла! — взмолился он.

— Я говорю серьезно, — настаивала она. — Не смей этого делать!

Юджин подчинился, обиженный и немного раздосадованный. Он испугался ее решительного отпора. Ему и в голову не приходило, что она такая недотрога.

Как-то в другой раз несколько школьниц устроили катание на санях, и Стелла, Юджин и Миртл получили

приглашение. Ночь выдалась звездная, искрился снег, воздух был морозный, бодрящий. Огромный фургон сняли с колес, поставили на полозья, а внутри настлали соломы и накидали целый ворох шуб. За Юджином и Миртл завернули после того, как сани объехали уже с десятков таких домиков. Вскоре добрались и до дома Стеллы.

— Иди сюда! — крикнула ей Миртл, сидевшая далеко впереди брата. Это разозлило его.

— Садись со мной! — позвал он девушку, боясь, что сама она не решится.

Стелла пробралась к Миртл, но, видно, место пришлось ей не по вкусу, и она пересела вглубь саней. Юджин сделал энергичное усилие, чтобы освободить уголок возле себя, и девушка как бы случайно очутилась рядом. Он накинул на нее бизонью доху. Мысль, что Стелла с ним, наполняла его счастьем. Сани, звеня бубенцами, продолжали объезд городка, собирая остальных участников, и наконец вынеслись в поле. Мимо мелькали черные перелески, уснувшие в сугробах, и прикипшие к самой земле тесовые фермерские домики, заиндевевшие окна которых изливали тусклый романтический свет. Ярко горели звезды. Эта картина бесконечно взволновала Юджина: он был страстно влюблен, и тут, рядом с ним, окутанная тенью, в которой слабо выделялось ее лицо, сидела любимая девушка. Он видел ее прелестный профиль, щеки, глаза, пушистые волосы.

Вокруг них болтали, пели, и под шум общего веселья Юджин незаметно обвил рукой талию Стеллы, взял ее руку в свою, заглянул в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее мысли. Она всегда вела себя с ним сдержанно, уступая лишь до известного предела. Теперь он несколько раз украдкой поцеловал ее в щеку и раз — в губы, а потом, воспользовавшись минутой, когда было совсем темно, с силою привлек к себе и запечатлел на ее устах такой долгий, чувственный поцелуй, что она испугалась.

— Не надо, — в волнении отбивалась она, — не смей!..

Он подчинился, чувствуя, что зашел слишком далеко. Но очарование той ночи и красота девушки навсегда остались у него в памяти.

— Неплохо бы пристроить Юджина к газетной работе или к чему-нибудь в этом роде, — заметил как-то Витла-отец в разговоре с женой.

— Да, по-видимому, это единственное, на что он годится, по крайней мере сейчас, — отозвалась миссис Витла, считавшая, что ее мальчик еще не нашел себя. — Со временем он займется чем-нибудь получше. Ведь ты знаешь, какого он слабого здоровья.

Витла подозревал в душе, что сын его просто ленив, но уверенности в этом у него не было. Он высказал предположение, что Бенджамин С. Берджес, будущий свекор Сильвии, редактор и владелец «Морнинг Эппил», мог бы дать Юджину место репортера или наборщика, чтобы постепенно познакомить его с делом. В «Морнинг Эппил» был, правда, небольшой штат, но мистер Берджес, вероятно, не откажется дать Юджину возможность начать с репортерских заметок — если у него есть к этому способности — либо с наборного дела, либо с того и другого. Однажды, встретившись с Берджесом на улице, Витла-отец вступил с ним в разговор:

— Послушайте, Берджес, не найдется ли у вас в газете местечка для моего сына, а? Он у меня все что-то пишет и воображает, будто и рисует неплохо, хотя его мазня, на мой взгляд, немногого стоит. Надо его куда-нибудь определить. В школе он бездельничает. Он мог бы, например, изучить типографское дело. Ему будет только полезно начать с азов, если явится потом охота пойти по этой части. Сколько вы ему положите для начала, неважно.

Берджес подумал. Юджин попадался ему на улице. Ничего дурного он про него не слыхал, разве только что парень витает в облаках и держится букой.

— Пришлите его как-нибудь ко мне, — ответил он уклончиво. — Возможно, я что-нибудь для него и придумаю.

— Я был бы вам очень признателен, — сказал Витла. — А то он меня беспокоит.

На этом они расстались. Дома Витла рассказал Юджину об этой встрече.

— Берджес говорит, что мог бы взять тебя наборщиком или репортером в «Морнинг Эппил». Загляни к нему на этих днях, — сказал он сыну, который сидел у лампы и читал.

— Вот как? — спокойно отозвался Юджин. — Гм! Ну какой я репортер! Наборщиком я бы еще, пожалуй, мог быть. Это ты к нему обратился?

— Да, — сказал Витла. — А все-таки наведайся туда как-нибудь.

Юджин прикусил губу. Он понимал, что это намек на его склонность к безделью. Успехи его и правда были не очень-то велики. Но все же профессия наборщика не блестящая карьера для человека с его запросами.

— Ну что ж, — решил он, — когда кончу учение.

— Лучше поговори с ним до окончания школы. А то как бы кто-нибудь другой не опередил тебя. А ведь тебе невредно было бы испытать себя на такой работе.

— Поговорю, — послушно сказал Юджин.

И вот в конце солнечного апрельского дня он вошел в контору мистера Берджеса. Она помещалась в нижнем этаже трехэтажного здания газеты на городской площади. Мистер Берджес, заметно лысеющий толстяк, испытующе посмотрел на Юджина поверх очков в стальной оправе. В его жидких волосах пробивалась седина.

— Так вы не прочь поработать в газете? — спросил он юношу.

— Да, я хотел попробовать себя в этом деле, — ответил Юджин, — посмотреть, не придется ли оно мне по душе.

— Я могу вам сказать наперед, что в нем мало интересного. Ваш отец говорил мне, что вы пишете.

— Мне бы очень хотелось писать, но едва ли я справлюсь. Я охотно изучил бы типографское дело. А со време-

нем, быть может, начну и писать, если у меня что-нибудь получится.

— Когда же вы могли бы приступить?

— Как только кончатся занятия в школе, если вы не возражаете.

— Пожалуйста. Мне, в сущности, никто не нужен, но я подыщу вам дело. Пять долларов в неделю вас устроит?

— Вполне, сэр.

— Ну, тогда приходите, как только освободитесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Движением пухлой руки он отпустил будущего наборщика и повернулся к облупленному столу темного орехового дерева, заваленному газетами и освещенному электрической лампой под зеленым абажуром. Юджин вышел, унося с собой запах свежей типографской краски и не менее въедливый запах еще не просохших газет. «Интересно попробовать, — подумал он, — но, возможно, это будет для меня напрасной тратой времени». Юджин был не слишком высокого мнения об Александрии. Когда-нибудь он отсюда выберется.

Редакция «Морнинг Эппил» ничем не отличалась от редакции всякой другой провинциальной газеты в любой точке земного шара. В первом этаже, окнами на улицу, находилась контора, а позади нее — печатный цех, где стоял единственный большой плоский пресс и печатные машины. Во втором этаже была расположена наборная с кассами для шрифта на высоких стеллажах, так как «Морнинг Эппил», как и большинство провинциальных газет, набиралась еще вручную; там же, по фасаду, помещался обшарпанный кабинет редактора, заведующего издательством и заведующего отделом городской хроники — ибо все трое были представлены в газете одним и тем же лицом: это был некто мистер Калев Уильямс, которого Берджес откопал много лет назад неизвестно где. Уильямс был небольшого роста, тощий, жилистый человек, с острой черной бородкой и стеклянным глазом, который как-то странно смотрел на собеседника своим черным зрачком. Необыкновенно подвижный и разговорчивый, все-

гда в зеленом козырьке, низко надвинутом на лоб, с коротенькой терновой трубкой в зубах, Уильямс искусно управлялся со своими разнообразными делами и обязанностями. У него была бездна всяких познаний, накопленных за долгие годы газетной работы в столице. После бесконечных странствий по бурному житейскому морю он с женой и тремя детьми бросил наконец якорь в Александрии; закончив рабочий день, он бывал рад поговорить с кем угодно о жизни вообще и о своей в частности. С восьми утра до двух пополудни он занимался тем, что собирал скудные городские новости и либо сам писал заметки, либо редактировал. По округе у него был разбросан целый штат корреспондентов, которые раз в неделю присылали ему местные новости. Кое-чем снабжало его и агентство Ассошиэйтед Пресс, а к тому же выручали две страницы стандартного приложения, на которых читатель находил рассказы, хозяйственные советы, медицинские объявления и прочее. Большую часть материала Уильямс пускал в печать не редактируя.

— В Чикаго мы уделяли всему этому много внимания, — рассказывал он всякому, кто попадался под руку, — но здесь с этим возиться не приходится. Да наш читатель, в сущности, и не требует этого. Он ждет от газеты прежде всего местных новостей. А за этим я слежу очень внимательно.

Отделом объявлений ведал сам мистер Берджес. Мало того, он сам добывал объявления и следил, чтобы они были набраны сообразно с желаниями клиента и должным образом помещены, — в зависимости от того, как позволял газетный материал, и в соответствии с правами и притязаниями других клиентов. На нем держалась вся газета, он вел ее дела, и он же определял направление. Иногда он писал передовицы или же совместно с Уильямсом решал, в каком духе они должны быть написаны, принимал посетителей, приходивших в редакцию, и улаживал возникавшие трудности. Мистер Берджес предоставил себя и свою газету в полное распоряжение местных заправил республиканской партии, и это казалось вполне естест-

венным, так как он сам был республиканцем по склонностям и темпераменту. Однажды ему даже предложили должность почтмейстера (в вознаграждение за кое-какие услуги), но он от нее отказался, потому что газета давала ему больше дохода, чем мог принести этот новый пост. К нему попадали все объявления по городу и округе, какие только могли ему доставить руководители республиканской партии, и таким образом он вполне преуспевал. Уильямс знал кое-что о сложных махинациях, в которые вовлекали Берджеса его политические связи. Но это несколько не тревожило прилежного труженика. Он рассуждал так: «Мне надо прокормить пять ртов, и этого с меня вполне довольно. Зачем мне соваться в чужие дела?» Таким образом, в редакции царила спокойная, деловая и, можно сказать, даже приятная атмосфера. Работать здесь было одно удовольствие.

На Юджина, попавшего сюда прямо со школьной скамьи, когда ему едва минуло семнадцать лет, самое сильное впечатление произвел мистер Уильямс. Этот человек ему решительно нравился. Со временем он подружился также и с Джоном Лайлом, работавшим за главной наборной кассой, и с неким Джоном Саммерсом, приходившим не регулярно, а лишь в тех случаях, когда поступал какой-нибудь экстренный типографский заказ. Юджин очень скоро узнал, что Джон Саммерс, седой молчаливый человек лет пятидесяти пяти, болен туберкулезом и сильно пьет. Он в самые различные часы украдкой исчезал из типографии минут на десять-пятнадцать. Все делали вид, будто ничего не замечают, потому что здесь никто никого не понукал. С работой так или иначе справлялись.

Джонас Лайл был более интересный тип. Лет на десять моложе Саммерса и гораздо здоровей его и крепче, он тоже был примечательная личность. Флегматичный по натуре, он кое-что прочитал на своем веку и любил пофилософствовать. Как вскоре узнал Юджин, Лайл успел поработать во всех концах Соединенных Штатов — в Денвере, Портленде, Сент-Поле, Сент-Луисе, где хотите, — и любил порассказать о своих бывших хозяевах. Стоило ему

встретить в печати сколько-нибудь выдающееся имя, как он тотчас шел с газетой к Уильямсу — а позднее, когда они ближе познакомились, к Юджину — и говорил: «Я знал этого парня, когда жил там-то... Он был почтмейстером (или кем-либо еще) в N. А смотрите, как в гору пошел!» В большинстве случаев он не был лично знаком с этими знаменитостями, но слышал про них, и отголоски их славы, донесшиеся до этого глухого захолустья, действовали на его воображение. В горячие часы он помогал Уильямсу править корректуру, был хорошим наборщиком и вообще честно исполнял свои обязанности. Но успеха в этом мире он не добился, так как был всего-навсего безотказным орудием в чужих руках. Юджин понял это с первого взгляда.

Вот этот-то Лайл и научил Юджина наборному делу. Он в первый же день показал ему, как устроены «гнезда», или «карманы», в кассах для шрифта, как размещены буквы, чтобы одни были ближе под рукой, чем другие, объяснил, почему некоторых букв дается больше и почему в одних газетах в определенных случаях употребляются прописные буквы, а в других — нет.

— Вот в Чикаго, когда я работал в «Трибюн», мы обычно выделяли курсивом названия церквей, пароходов, книг, гостиниц и всего прочего в этом роде, — рассказывал он. — Сколько знаю, больше ни в одной газете так не делают.

Вскоре Юджин узнал, что такое шпоны, гранки, верстатки; узнал, что пальцы постепенно приучаются определять по весу характер шрифта; что, как только приобретаешь известный навык, буквы почти механически ложатся обратно в свои гнезда и об этом даже не думаешь; все это Лайл словоохотливо сообщил своему ученику. Он требовал от него серьезного отношения к предмету, и Юджин, уважавший всякое знание, выслушивал его вдумчиво и внимательно. Юджин еще не представлял себе, чем ему хотелось бы заняться, зато он чувствовал, что хочет знать все. И хотя он и убедился вскоре, что не желает быть ни наборщиком, ни репортером, ни вообще кем-либо, при-

частным к провинциальной газете, все же некоторое время типография представляла для него интерес, так как он изучал здесь жизнь. И он весело работал за своим реалом, с улыбкой глядя на мир, расстилавшийся за открытым окном, читал какие-то забавные обрывки заметок, статей или местных объявлений — по мере того, как набирал их, — и думал о чудесах, которые мир держит в запасе для него, Юджина. В ту пору у него не было еще того огромного честолюбия, которое пробудилось впоследствии, но он был преисполнен надежд, хотя и не вовсе чужд меланхолии. Он видел в окно знакомых юношей и девушек, которые прохаживались без дела по улице или стояли на перекрестке; видел, как Тэд Мартинвуд разъезжает по городу в отцовском шарабанае, как Джордж Андерсон слоняется по тротуару с видом человека, которому никогда не придется работать (его отцу принадлежала единственная в городе гостиница). В голове Юджина часто мелькали мысли о рыбной ловле, о катании на лодке и о том, как приятно было бы посидеть где-нибудь на траве с хорошенькой девушкой, но, увы, девушек, по-видимому, не особенно влекло к нему. Он был слишком робок. Порой он задумывался о том, как хорошо, вероятно, быть богатым. И мечтал.

Юджин был в том возрасте, когда хочется выражать свои чувства в пылких фразах. Но это был также возраст, когда застенчивость принуждает к сдержанности, хотя бы вы и были влюблены и обладали страстной натурой. То, что он говорил Стелле, казалось ему скучным и пошлым, и он больше вздохами выражал свои чувства. Но девушка тяготилась вздохами и предпочитала им пошлые излияния. Она уже тогда начала подумывать, что он немного странный, какой-то «взвинченный». Тем не менее он ей нравился. В городе стали считать, что Стелла его девушка. В маленьких городах и деревнях такие парочки — обычное явление среди школьников. Их видели всюду вместе. Отец подтрунивал над Юджином. Родители же Стеллы считали, что это просто детское увлечение, и не столько с ее стороны (они знали, что их дочь не слишком интере-

суется мальчиками и не придает большого значения их чувствам), сколько со стороны Юджина. Они думали, что его сентиментальность скоро начнет тяготить Стеллу. Так оно и случилось.

Однажды на вечеринке, устроенной школьницами старших классов, затеяли игру в «деревенскую почту». Это одна из тех игр, в которых все сводится к поцелуям. Играющим задают вопросы, и с того, кто не ответил, берут фант. Тот, чей фант вынут, становится почтмейстером и вызывает кого-нибудь «за почтой». А это значит, что вы идете в темную комнату, где вас целует тот или та, кто вам нравится или кому нравитесь вы. Почтмейстеру дано право или власть — называйте как хотите — вызвать, кого ему угодно.

На этот раз водить пришлось Стелле, которая попала раньше Юджина. Первая ее мысль была о нем, но оттого ли, что это делалось в открытую, или оттого, что ее втайне беспокоила порывистость Юджина, она назвала имя Харви Раттера. Харви был красивый мальчик, Стелла познакомилась с ним недавно, уже после встречи с Юджином. Она не была им увлечена, но он ей нравился, и юная кокетка была не прочь узнать его поближе. Сейчас ей представлялся удобный случай.

Польщенный Харви побежал на ее зов, и Юджина охватила бешеная ревность. Он не мог понять, почему Стелла так обращается с ним. Когда наступил его черед, он вызвал Берту Шумейкер, тоже прехорошенькую девушку, которая ему нравилась, но которая, по его мнению, не могла сравниться со Стеллой. Для него было мучкой целовать ее, тогда как он мечтал о другой. Когда он вышел, Стелла прочла в его глазах обиду, но притворилась, что ничего не замечает. А между тем, несмотря на деланую веселость, его вялый и понурый вид бросился всем в глаза.

Потом Стелла опять проштрафилась и на этот раз вызвала Юджина. Он пошел, но обида еще кипела в нем. Ему захотелось наказать ее. Когда они встретились в темноте, она ожидала, что он обнимет ее, и уже вскинула

руки ему на плечи, но он только сжал ее пальчики и едва коснулся губ холодным поцелуем. Если бы он сказал: «Зачем ты это сделала?» — если бы привлек ее к себе и попросил не играть его чувствами так жестоко, их дружба была бы спасена. Но Юджин ничего этого не сделал. Тогда в девушке вспыхнула досада, и она с задорным видом вышла из комнаты. Молодые люди сторонились друг друга до конца вечеринки, но он все же пошел проводить ее домой.

— Ты сегодня, кажется, в плохом настроении, — заметила Стелла, после того как они в полном молчании прошли два квартала.

Улицы утопали во мраке, и их шаги по выложенному кирпичом тротуару гулко отдавались в ночной тишине.

— Нет, почему же. Я чувствую себя прекрасно, — угрюмо ответил он.

— У Веймеров было, по-моему, очень мило. Там всегда ужасно весело.

— Да, необычайно весело! — презрительно отозвался он.

— Не будь ты таким злокой! — рассердилась она. — У тебя нет никаких причин дуться на меня!

— Ты думаешь?

— Да, никаких.

— Что ж, тебе видней. Но я смотрю иначе.

— Ну, знаешь, мне совершенно безразлично, как ты на это смотришь.

— Вот как?

— Да, так! — Девушка сердито вздернула головку.

— Ну а мне тем более безразлично!

Снова наступило молчание, которое длилось почти до самого ее дома.

— Ты будешь на балу в четверг? — спросил Юджин.

Он имел в виду вечер, который устраивала методистская церковь. Само по себе это празднество ничуть его не интересовало, но оно давало ему возможность увидеться со Стеллой и проводить ее домой. Он задал ей этот вопрос, испугавшись нависшего над ними разрыва.

— Нет, — сказала она. — Едва ли.
— Почему?
— Не хочется.
— Какая ты злая! — упрекнул он ее.
— Ну и прекрасно! — ответила она. — А по-моему, ты слишком любишь командовать. И по правде сказать, ты не очень мне нравишься.

Сердце его зловеще сжалось.

— Делай как знаешь, — сказал он упрямо.

Они дошли до ее калитки. Здесь они обычно целовались в тени и Юджин крепко прижимал к себе Стеллу, невзирая на ее протесты. Он и сейчас с нетерпением ждал этой минуты, но девушка предупредила его. Едва поравнявшись с калиткой, она быстро открыла ее и юркнула в палисадник.

— Спокойной ночи! — крикнула она оттуда.

— Спокойной ночи! — сказал он и, когда она уже дошла до двери, позвал: — Стелла!

Входная дверь открылась, и девушка проскользнула в дом. Юджин растерянно стоял в темноте, огорченный, раздосадованный, подавленный. Как же теперь быть? Он медленно поплелся домой, думая о том, что лучше: не замечать ее, избегать, пока она сама не вернется к нему, или же добиваться встречи и решительного объяснения? Стелла была не права: Юджин так и уснул с этой мыслью, и она не покидала его весь следующий день.

Юджин делал довольно быстрые успехи в наборном деле. Готовясь к будущей своей профессии, он пробовал свои силы в репортерском ремесле, работая прилежно и с интересом. Нередко он делал из окна зарисовки, хотя с тех пор, как у них вышла размолвка со Стеллой, занимался этим без обычного увлечения. Ему нравилось приходить в типографию, надевать фартук и приниматься за набор какой-нибудь заметки местного корреспондента, залежавшейся со вчерашнего дня, или телеграммы, только что наколотой на крючок возле его кассы. Уильямс пробовал давать ему репортерские поручения для отдела мест-

ной хроники, но Юджин был медлителен и не выказывал способностей по этой части.

Когда ему предлагали взять у кого-нибудь интервью, он возвращался в редакцию с материалом, который нуждался в пополнении из других источников. Сколько ни бился с ним Уильямс, Юджин, в сущности, так и не постиг тех требований, какие предъявляет газета, и большей частью работал за своей кассой. И все же кое-чему он научился.

Взять хотя бы то, что он начал разбираться в существовании рекламного дела. Местные торговцы изо дня в день помещали одни и те же объявления, и текст их почти не менялся. Юджин видел, как Лайл и Саммерс брали старые рекламы, которые месяцами печатались без всяких изменений, и, выправив одно-два слова, снова сдавали в цинкографию. Юджина удивляла эта косность, и, когда они наконец попадали к нему на просмотр, у него часто являлось желание переделать их — таким суконным языком они были написаны.

— Почему бы не давать к объявлениям маленьких рисунков? — спросил он однажды Лайла. — Вы не находите, что они очень выиграли бы?

— Гм! Право, не знаю, — ответил Лайл. — По-моему, и так сойдет. Здешней публике не понравилось бы такое новшество. Читатели скажут, что это несолидно.

Юджин присматривался к журнальной рекламе и находил ее несравненно эффектнее. Почему бы не изменить и газетную?

Но никто здесь, по-видимому, не нуждался в его советах. С клиентами имел дело сам мистер Берджес. Это он решал, каким должно быть объявление. Он никогда не советовался ни с Юджином, ни с Саммерсом и редко даже с Лайлом. Лишь иногда Уильямс по его требованию давал им предварительные указания.

Юджин был еще так молод, что вначале Уильямс не обращал на него внимания, но потом, приглядевшись к юноше поближе, стал охотно объяснять ему то одно, то другое: почему некоторые заметки должны быть краткими,

а некоторые — пространными; почему сообщения, касающиеся их округа — городишек вокруг Александрии и их обитателей, — имеют для газеты с финансовой точки зрения гораздо большее значение, чем самый достоверный отчет о смерти турецкого султана. А всего важнее, говорил он, следить за тем, чтобы в имена и фамилии местных жителей не вкрались опечатки.

— Упаси вас бог неправильно набрать их, — сказал он однажды Юджину. — А особенно следите за инициалами. Люди на этот счет очень чувствительны. Если вы не будете осторожны, мы рискуем растерять всех подписчиков, а потом поди разберись, как это случилось.

Юджин старался все запомнить. Ему интересно было вникнуть в механику дела, хотя в глубине души он находил все это мелким. Да и люди казались ему мелкими, по крайней мере большинство людей.

Но кое-что в типографском деле интересовало его. Он любил смотреть, как в машину закладывают бумагу и как она потом работает, любил помогать при заключке форм и наблюдать за тем, как ложатся друг на друга газетные оттиски и отсчитываются готовые листы. Он любил прислушиваться к ходу машины и вместе с другими переносить еще влажные кипы газет в экспедицию и к сортировочному столу. «Морнинг Эппил» выходила не очень большим тиражом, но в момент выпуска типография оживала, и это нравилось Юджину. Ему нравилось, что руки и лицо у него в чернилах и краске и что это его не смущает, нравилось видеть в зеркале свою всклокоченную шевелюру. Он старался быть полезным где только мог, и работники газеты полюбили его, хотя иногда он раздражал их своей неловкостью и медлительностью. Здоровье его в то время было не из крепких, он часто страдал желудком. Иногда у него мелькала мысль, что воздух типографии вреден для его легких, но серьезного значения он этому не придавал.

Однако сколько ни радовался Юджин новым впечатлениям, этот мирок казался ему тесным. За пределами ре-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая. ЮНОСТЬ	7
Книга вторая. БОРЬБА	241
Книга третья. БУНТ	624

Литературно-художественное издание

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
ГЕНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Наталья Бобкова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.02.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40,89. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.aoompk.ru, www.aoompk.ru

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-17738-04-R